

Сергей Гобец

**Из жизни,
о жизни...**

Рассказы

Сергей Гобец

Из жизни, о жизни... Рассказы

«Издательские решения»

Гобец С.

Из жизни, о жизни... Рассказы / С. Гобец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851096-0

О чём-то услышал, что-то пережил сам, что-то додумал на досуге... Это и нашло отражение в коротких рассказах, байках, заметках на полях. Этим и делюсь...

ISBN 978-5-44-851096-0

© Гобец С.
© Издательские решения

Содержание

Засада	6
Поединок	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Из жизни, о жизни... Рассказы

Сергей Гобец

© Сергей Гобец, 2017

ISBN 978-5-4485-1096-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Засада

(По мотивам охотничьих баек...)

Всё было, как всегда! За техническую часть отвечал Санёк. Это подготовка машин, палаток, шатра для трапезы, углей для национального российского блюда – шашлыка, надувных матрасов, дизель-генератора и всего остального необходимого для выживания в суровой действительности дикой природы. По продуктам – Макар. Он всегда подходил к этому вопросу педантично, и никогда прежде ни возникало нареканий в его адрес по поводу того, что вдруг чего-то не хватило в самый последний час их предшествующих «экспедиций». Всё всегда было по уму и на самом высшем уровне! Это до прихода Мака в их спаянный коллектив случались казусы с забытой солью, или нехваткой горючего в самый необходимый момент, но ... Вовремя подоспел приказ об окончании службы старшего прапорщика Макара Сутягина, и в компанию вошёл незаменимый специалист по вопросам формирования прод. снабжения, обеспечения и качественно-научного подхода к сбалансированному питанию, а также реабилитационной защите их организмов по окончании компаний.

Без всего этого, и ещё многого другого они уже давно не совались в лес, алгоритм был выверен до мелочей, до самого последнего ритуального усаживания на седалище, перед дорогой. (По обычаю сие действие было заведено, и не их дело менять устоявшиеся и проверенные временем заморочки).

Как всегда было заранее замариновано мясо, приготовлены свежайшие овощи, нарезана ломтиками и посолена норвежская сёмга, заботливо переложена льдом поштучно ящик «Посольской», пиво, вода, огуречный рассол, (для той самой утренней реабилитации) ... Всё, даже ружья с патронами были на своих местах, согласно закона об оружии, то бишь в чехлах и в разобранном виде. И ведь уже сели на дорожку, а Лёнька готов был шлёпнуть себя по коленям и рывкнуть – С Богом! ...И тут вылетела она, евонная разлюбозная жёнушка! Откуда её черти вынесли? Ведь на работе должна была болтаться ещё часов пять минимум, а вот теж на – в сапогах, камуфляже и даже косынке в цвет опавшей с тополя листвы стоит против нашей компании отвиснувших челюстёв и гонит нам следующий ультиматум: Если ты поганец, (поганец – это мужик еённый), меня на эту Вашу долбанную охоту не возмёшь, то домой можешь не возвращаться, а хоть и с медведями жить всё остатное своё непутёвое время!

В общем, за политический вопрос у нас отвечал Борька, толи от того, что Политех заканчивал, толи что с Урала, а может и от того, что батя его Борькой обозвал при рождении. Ну, он начал с далека, с самого Гринписа, мол стрелять зверушек грех, что все мы братья и сёстрам на охоте делать нефиг! А она попросту – рот, говорит, закрой, а то по лбу дам и твою Маньку вдовой сделаю. Борька Маньку пожалел и сел в машину! Мужики не то, чтобы за Борьку вступились, они скорее за процесс, она ж нам всю охоту псу под хвост пустит. Да только всё бес толку! Она на своём, мы отступили!

В общем – сели и поехали. А настроение не к чёрту. Кошки на душе скребут. В глазах туман, а у Витьки, так ваще слеза навернулася и, что твоя сопля висит себе на кончике носа и не отклеивается! А ведь только Борька не зря у нас в компашке по политике за главного был. Это он первый план у себя в башке разработал и на практике применил! В общем приехали мы в лес, вылезли из машин, вышли на опушку. Впереди лесу поле лежит, бурьяном поросло до пояса прапорского, метра на полтора в общем. Мы на краю еного поля ей засаду и организовали! Лежи – говорим – жди с поля лося. Мы все в загон пойдём, часов через пять в аккурат на тебя выгоним. Бей под лопатку! Запомни, ты на номере, никуда с места не сходи, а то мы тебя по ошибке подстрелим! Поняла?

– Поняла, чай не дура совсем!

Ну не дура, так не дура, мы в машины, километров пять отъехали и встали на бивуак. Душевно расположились! По первой сразу дерябнули, только встали.

Закусили чёрным хлебушком, помидорчиком, да сёмгой с огурчиком. По телу тепло побежало, разговор сам по себе про засады, да про лосей зашёл. Сошлись на мнении, что ждать в этих местах лося можно долго, дождаться всё одно не получится, нет их тут и ни когда не бывало! К третьей стопочке уж шашлык поспел! Только замахнули, только по кусочку откусили, только глаза от удовольствия сами по себе закрылись... Тут пальба пошла в том краю где Лёнькина жена на номере стояла! Доехали мы до тудова быстро, да только Лёнька бегом всё одно раньше нас поспел! Видим – на против бабы евонной мужик стоит, за голову схватившись! А она орёт благим матом: «Мой лось! Я его подстрелила! Мой я тебе говорю» В общем убедила она того мужика в своём праве на добычу. Уступил он.

Твой – говорит, аж чуть не плачет, – твой, не спорю! Забирай! Дай только сбрую сниму, и забирай!

... Вот такая вот охота у нас в тот день приключилась...

Поединок

В бездонном, замороженном за ночь январском небе, на уровне отсутствующих в этот день облаков, парил одинокий ворон. Солнце достигло своего зенита и с интересом наблюдало за птицей. А та всё кружила на одном месте, будто что-то держало её и не отпускало по своим вороньим делам навестить расположенную в десяти верстах южнее деревеньку, дабы полакомиться, чем Бог пошлёт, а вернее выкинет за ненадобностью съестной какой-никакой житель этого забытого и заросшего лесами уголка сибирской земли. С высоты полёта во все стороны простирались берёзовые, с редкой примесью осины, голые, по зимнему обычаю, леса с редкими, укутанными белым снегом, полянами. Пополам делило это безмолвное, застуженное пространство русло скованной льдом и запорошенной снегами реки. Вдоль укутанной зимним покрывалом воды бежали, по большей части пологие берега. Никакой живности не наблюдалось во всей близлежащей округе, и лишь одинокий, серый, начинающий порастать инеем от долгого бега, силуэт матёрого волка, с опущенной к снегу пастью и мощным, монотонно движущимся вслед семенящим лапам крупом, тропил след вдоль края леса, повторяя извилины вставшей на зиму реки. Видимо он и привлёк внимание ворона и не отпускал его, бередя любопытство и заставляя накручивать круги над зимним лесом. Если спуститься ниже, то можно будет услышать частое дыхание зверя, хруст снега под его лапами и заметить, как временами, не замедляясь, лишь слегка качнув головой, он хватается на ходу снег и, не снижая темпа, продолжает свой бег в направлении, известном лишь ему одному. Случалось на пути ему попадались то путанная строчка мышиноного следа, то вязь куропатки, то стоящие поперёк друг-другу следы заячьих лап. Но ничто не отвлекало и не нарушало поступательного движения вперёд и вперёд, лишь молча проплывали мимо берёзовые стволы, да продолжал поскрипывать снег под мощными лапами...

Тяжела жизнь в сельской глуши! Долгими зимними вечерами лезут в голову мысли о несбывшихся мечтах, о потерянном задарма времени, что было потрачено на таёжную, лесную жизнь, о полковом командире, что предлагал много лет назад, по окончании срочной службы остаться на сверхсрочную, а то и воспользовавшись направлением испытать судьбу в качестве абитуриента военного училища. Ан нет, не смог бросить родных сердцу краёв и, махнув на радужные перспективы, вернулся к милым сердцу лесам и перелескам, стариковым могилам на деревенском погосте, да соседской девчонке, что ждала его долгих два года. Так заведено было не им, а ещё до него, его многочисленными предками, что родиться, расти и мужать, защищать, а после возвращаться и, прожив отведённый срок, находить покой можно лишь в этой, родовой, исконно вольной, сибирской земле. Не было для них других, пригодных для житья, краёв. По всей округе жила вся многочисленная родня, жила и ломала жизненные неурядицы сообща, коллективом, что тебе дом поставить, что поля убрать, что свадьбу справить и отгулять, да после присмотр вести за молодыми, новоявленными супругами. Жили дружно, по соседству ставили усадьбы, да и на погостах лежали «улицами», во всём чувствовалось крепкое родственное единение и в земной, и в иной, неведомой жизни.

Много уж лет да зим пролетело с тех дней, что вернули его в линиялой гимнастёрочке на родную, присыпанную пылью по щиколотку улицу, на милый сердцу порог отчего дома-пятитстенка. Поредел за те годы и поседел волос на некогда буйной шевелюре, народились, выросли и упорхнули из родительского гнезда дети. Старший, подобно всем мужикам, отслужил в солдатах, а после службы, послушав отца и окончив училище, уж командовал заставой на границе с Китаем. Дочери после института врачевали в областном центре, а младший сын сразу поступал в авиационное училище, отучился и ворочал теперь шаг-газ боевого вертолёта по всем горячим точкам некогда единого и великого Советского Союза. А они с бабкой

отработав своё в совхозе да лесничестве, получали пенсии да доживали век там, где и начинали учиться делать первые шаги по скобленным половицам да ромашковым полянам их некогда ребячьи и не ноющие долгими зимними ночами ноги. Вот и лезли в голову мысли о том, что правильно ли поступил послушав своё сердце, может стоило наступить ногой на обычай, да и попытаться строить жизнь так, как стало заведено по нынешним временам, без оглядки на прошлое и отбросив все условности, весь опыт нажитый отцами да дедами. И сколько уж он не думал бессонных ночей на эту вечную тему, а только решения не находил и легче, спокойней на душе не становилось. Вот и сейчас, во втором часу ночи, сидел он на лавке подле русской печи и, приоткрыв вьюшку с дверцей, покряхтывал да пускал сигаретный дым в печную топку. Сон не шёл, в избе было душно от вытопленных на ночь печей, журнал «Охота» в очередной, не ведомо какой раз, дочитан до последней «корки». Побаливала спина, ныла застуженная прошлым годом после купания в полынье нога, и пела свою заунывную песню в неплотно закрытой трубе вьюга.

«Толи пойти да снарядить патроны картечью и прогуляться с утречка по распадку на лыжах? Не зря народ поговаривает, что объявился в наших краях, благодаря удачной охоте на волчицу, волк-одиночка, будто, судя по оставляемым следам, размеру он не малого и, не приведи господь, начнёт по весне скот резать да пакостить в округе?» – подумалось может от безделья, навеянного бессонницей, может от не остывающего с годами охотничьего азарта.

«А чего бы и не спытать судьбу!» – ответил сам своей внезапно проснувшейся мысли. Крякнул резко поднявшись, накинул телогрейку и вышел в сенцы за заветным сундучком, где хранил всё необходимое для снаряжения охотничьего боеприпаса имущество.

Занеся в дом «арсенал» дождался, пока всё согреется и обсохнет и начал сковыривать провористо пыжи, да сыпать в мешочек приготовленную на зайца дробь, взамен пакуя гильзы крупной картечью да несколько штук снарядил жаканом. Набрал на патронташ, вытащил из сейфа ружьё и принялся чистить стволы и механизм, хотя и так все блестело и было на сто рядов смазано и протерто ружейным маслом не давеча, как вчера-позавчера, но ритуал есть ритуал, и оружие перед боем и охотой требует дополнительного ухода.

За хлопотами ночь растаяла, и раннее зимнее утро он встречал уже в первых берёзах, утюжа снег широкими охотничьими лыжами, сбивая плечом иней с висячих чуть ли не до самой земли ветвей деревьев. Бабка, проснувшись, долго ворчала и ни в какую не собиралась отпускать «искать приключения на старую задницу», (как она выразилась), но, уступив уговорам, засутилась, спекла капустный пирог, сварила яичек, отрезала сала, и хорошенько укутав нехитрый харч в толстое махровое полотенце, уложила свёрток в охотничий рюкзак вместе со всем необходимым для выживания в зимнем лесу припасом.

Часа за два, отмахав с десятков вёрст по уплотнённой вьюгой снегу, он выкатился к речке, куда любил ходить в летнее время лавливать леща на рыбный пирог. Знатные получались с того пироги! Любой гость ел, да нахваливал их совместное с бабкой кулинарное творчество. Но сейчас время было зимнее, и лещи дожидались своего часа на дне омуты, встречающихся вдоль русла этой, на первый взгляд, незавидной речушки. Тут же у самого берега он и увидел след того, за кем снарядился в дальнюю дорогу столь нежданно-негаданно. Ошибки быть не могло, это был он, тот самый волк, следы которого стали попадаться последнее время местным мужикам, живущим с «охотничьей тропы». След был крупным и глубоким, а шаг широким, что говорило о небывалых размерах и изрядном весе зверя. Сердце радостно забило – не зря время потратил, вот она, удача, сама в руки идёт! Наскоро осмотрев, «обнюхав» и прошупав отпечатки, пришёл к выводу, что они ещё «горячие», и зверь не далее, как полчаса тому наблюдал те же пейзажи, что имеет честь лицезреть он в эту самую минуту. Довольно хлопнув себя по боку рукавицей, он достал ружьё из-за спины, переломил, загнал в получок ствол жакановый патрон, в другой картечный. Накинув ремень на шею, завёл приклад

под правую руку и пустился вдоль следа, намереваясь разгадать куда направляется и по какой надобности матёрый.

А с неба ворону было видно, как отделилась от лежащей поодаль деревеньки чёрная точка спешащего на перерез волку охотника, как постепенно всё ближе и ближе сходились их пути. То, как перед самым появлением у выхода на реку из леса, просеменил по этому месту матёрый и ушёл за поворот реки и скрылся за лежащим на противоположном берегу лесом. Как вышел на след охотник и стал что-то изучать на снегу, затем снял со спины ружьё. О, эта штуковина была хорошо знакома птице. За её долгую жизнь в пределах охотничьих угодий человека не один раз приходилось наблюдать, чем заканчивается жизнь того, кто оказывался слишком близок к огню, что вырывается непонятным образом из этого предмета. И не раз доставалась без особого труда добыча ему, когда человек искал и не мог найти свою сбитую жертву. Он хорошо помнил разорванные птичьи и звериные тела, всё то, что оставалось от некогда живых и здоровых, но ставших мёртвыми после встречи с оружием лесных жителей. Ему было известно и то, что в него человек стрелять не будет, что не он представляет интерес для охотника, но, тем не менее, поднялся ещё выше, на не досягаемую для оружия высоту. Так просто поднялся, на всякий непредвиденный случай. Слишком долго жил ворон на белом свете и слишком мудр он стал за эти прожитые годы.

Мужик же, пройдя вдоль берега с версту-другую, заметил, что след повторяет все изгибы реки, идёт примерно на одном расстоянии от берега и, будто бы, не собирается и впредь менять устоявшегося маршрута. Местность в этих местах была не ровная, слегка холмистая, и речка петляла, кружила и тянула затяжные повороты, огибая возвышенности. Смекнув, что по следу ему зверя не достать, охотник отвернул от леса, пересек реку и углубился в чащу. Вновь следы человека и зверя расходились, и только с высоты птичьего полёта можно было увидеть, что не волчий след, а русло реки непременно встанет на пути спешащего по своей надобности человека. А зверь продолжал копировать все изгибы речного берега и пока всё дальше уходил в сторону от места запланированной человеком встречи. Но совсем скоро река допетляла до того, что повернула в обратном направлении, и уже волк спешил на встречу человеку, а тот, спеша по прямой, уж вышел на реку и потихоньку начал двигаться на встречу хищнику, подыскивая удобное для засады место.

Солнцу надоело наблюдать за птицей, оно утратило свой интерес к происходящему и мало-помалу стало готовиться оставить на ночь эти края, сместившись к западу от этих мест. Оно давно оставило зенит и почти совсем укатилось за горизонт, вынудив ворона спускаться ниже и ниже, чтобы не упустить что-либо важное в разыгрывающейся на земле драме. Охотник к тому часу уже нашёл пригодное для засады место и залёг под стволом выломанной осенней бурей осины. Он удобно устроившись лежал на снегу прикрывшись маскхалатом, лишь кончики стволов указывали направление его интереса. У него уже давно «сосало под ложечкой», хотелось перекусить, но время для того было неурочное и он, хоть и находился под ветром, тем не менее не рискнул доставать харч, дабы не спугнуть лишним запахом зверя.

Но волк всё же что-то почувствовал. Толи не ведомо какое чувство подсказало ему о грозящей опасности, толи кружащий над лесом уж который час ворон заставил обострить и без того взвинченное до немыслимых для человеческого организма пределов обоняние. Только он вдруг замедлил свой бег, перешёл на шаг, затем начал пристально вглядываться в сгущающиеся сумерки и осторожно тянуть носом воздух, различая малейшие отклонения в лесных запахах. Умная была зверюга, обученная долгими годами противостояния не на жизнь, а на смерть, за право оставаться живым и вольным хозяином леса. Не раз ему удавалось оставлять с носом многих вооружённых не только клыками да когтями, а случалось и ружьями да

карабинами. С лёгкостью он обходил волчьи капканы и петли, будто смеясь над глупостью тех, кто пытался достать его столь незамысловатым способом. Вот и сейчас он вдруг взял и свернул с установленного маршрута и, уклонившись в сторону, начал нарезать широкий круг, оставляя в его центре кружащую на небе птицу. Поступив таким образом он очень скоро вышел на след того, кто готовил ему горячую встречу на кончиках торчащих из под простыни стволов. Матёрый видел хорошо и днём и в сумерки, у него было острое обоняние и чуткий слух. Его организм состоял из сухожилий, мышц и костей, заточенный на то, чтобы убивать, нести смерть и выживать, благодаря всему этому в самых немыслимых для человека условиях. А ещё он, а не человек, теперь находился «под ветром». В иное время он бы уклонился от встречи. В иное, но только не сегодня! Несколько дней назад охотники подстрелили и унесли с собой его волчицу, а он, находясь на охоте, не смог ничем ей помочь. Теперь смертная тоска гнала его всё вперёд и вперёд, заставляя искать неизвестно что и пугать по ночам воем луны да прочих лесных обитателей. А ещё он хорошо видел, как расположился человек. Тот лежал под стволом дерева, которое не только прикрывало его от чужого взгляда, но и полностью сковывало возможность начать движение. Охотнику удобно было стрелять, но совсем неудобно было сражаться. И зверь пополз по уплотнённому лыжным следом снегу навстречу судьбе...

Утром солнце вновь несчётно который раз вынырнуло из-за краешка леса в этот край. Почти на том же месте, где оно оставило птицу, встретила её и сегодня. Она сидела на берёзе и с интересом наблюдала за пытающимся ползти по снегу человеком. Следом за ним тянулся красный от пролитой и замерзающей крови след. Руки уже давно были отморожены за ночь и мало чем могли помочь своему хозяину. На противоположной стороне следа можно было увидеть другой, тот, что уходил в глубь леса. Он тоже был обильно окрашен кровью и на конце его, не так далеко от опушки, лежал невиданных размеров волк с торчащей из бока наборной рукоятью финского ножа. Зверь уже не двигался и совсем околел за ночь. Птица, ещё немного посидев на дереве, каркнула и взлетела в небо, чтобы осмотреться, нет ли еще желающих посетить театр состоявшейся ночью схватки. Поднявшись на уровень отсутствующих и в этот нарождающийся новый день облаков, она к своему удивлению обнаружила спешащих по следу лыж на помощь охотнику сразу нескольких грохочущих и плюющихся дымом мотосаней. С досадой несколько раз каркнув, ворон развернулся пару раз, глянул на ускользящую от его добычу и полетел навстречу спешащим на помощь людям, в сторону расположенной в десятке-другом вёрст деревеньке. Авось там перепадёт что-нибудь на завтрак измученной голодом птице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.